

ЗАБОТА О СЕБЕ И ТЬЮТОРСКАЯ ПРАКТИКА: ПОИСКИ ПРЕДМЕТА

Антропология профессии¹

CARE OF YOURSELF AND TUTOR PRACTICE: SEARCH FOR THE SUBJECT.

Anthropology of the profession

МИРКИНА ЕЛЕНА ИОСИФОВНА

Региональный эксперт
Межрегиональной тьюторской ассоциации,
тьютор в МБОУ СОШ № 83 («Умка»)
(Новосибирск).

E-mail: mirkina-elena@mail.ru

СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕВТИНОВИЧ

Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник.
Институт философии и права СО РАН.
Главный редактор гуманитарного
альманаха «Человек.RU»

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

DOI: 10.32691/2410-0935-2018-13-213-234

¹ Запись беседы 15 января 2018. Новосибирск

Поводом для разговора, который приводится внизу, послужила тема конференции, которая была проведена 31 октября – 1 ноября 2017 года в Москве: «Тьюторство в открытом образовательном пространстве: «забота о себе» и построение индивидуальной образовательной программы».

Организаторы конференции полагали, что эта тема поможет разобраться в том, что включает в себя понятие «забота о себе», что задаёт современный контекст этого понятия, и как культура «заботы о себе» может быть связана с процессом индивидуализации, построением индивидуальной образовательной программы и практикой тьюторского сопровождения.

В связи с темой возникают разные вопросы, которые и хотелось бы обсудить.

1. Какое отношение тьюторство как педагогическая практика имеет к феномену заботы о себе? Что такого есть в тьюторстве, что заставляет нас прибегать обязательно к феномену заботы о себе? Это необходимое корневое требование или просто новый тренд, мода? Что необходимо выделить в тьюторстве, что имеет право называть это как-то относящимся к заботе о себе?

2. В своё время П. Адо задолго до М. Фуко уже сказал, что вся античная философия может быть описана в категориях «духовных практик» конверсии, или практик обращения. С легкой руки хулигана Фуко затем все они стали называться практикой заботы. Эти практики конверсии Адо подразделял на два главных класса – практику эпистрофэ (воспоминание, восстановление основ, истока, с целью переориентации в жизни), и практику метанойи, то есть умопремены, изменения мысли вплоть до раскаяния, то есть собственно преображение человека.

Современные исследователи расширяют словарь типов духовных практик заботы. К ним относятся практики эпистрофэ (воспоминание), мимезиса (подражание и театр в широком смысле), агона (соревнования, состязания в разных версиях), когито (мысль-рефлексия о собственных пределах познания), автопоэзис (изделие, произведение, выделка собственного произведения личности) и собственно метанойя, преображение себя, смена образа.

Более легкие версии духовных практик заключаются в том, что человек занимается разного рода самонаблюдением, самодисциплиной, самоконтролем. Жанры такого догляда души самые разные – дневники, записки, сочинения, переписка вплоть до романа воспитания.

На этом фоне возникает вопрос: какое место в этом репертуаре практик заботы имеет такая практика, как построение индивидуальной образовательной программы и тьюторское сопровождение, с этим связанное? Если речь идёт о ведении дневника самонаблюдений, о самодисциплине, самовоспитании, о том, что нового мы вносим в педагогику? Так всегда было, и об этом любой нормальный педагог (и родитель) всегда вёл речь с ребенком: самодисциплина, самоконтроль, вплоть до наведения порядка на своём рабочем месте, у себя дома, в своих тетрадках и книжках. Что мы получаем нового, называя это также заботой о себе?

3. Что кроется под понятием индивидуальная образовательная программа? Чем она отличается от траектории личности? От жизненного маршрута пути? Это логика освоения учебного материала? Это мониторинг по отслеживанию своего самочувствия, самопонимания? Это карта, составленная по

поводу выстраивания и отслеживания своего личностного развития и поиска для этого разного рода ресурсов (информационных, мыслительных, волевых, учебных, разного рода компетенций и проч.)?

4. В истории культуры известны самые разные идентичности тех, кто осуществляет сопровождение и отслеживание личных траекторий и маршрутов. Это стalker, шерп, гид и другие типы навигаторов. Это разного рода путеводители. Какова специфика тьютора в этой галерее навигаторов? Что специфически нового он делает по сравнению, например, с Дон Хуаном у К. Кастанеды?

5. Какова ситуация в сфере современного образования с точки зрения создания пространств для выстраивания индивидуальных траекторий? Готова ли школа как институт к практикам такого рода, которые требуют особой организации работ и коммуникаций? Или это возможно в формате дополнительного образования, центров развития, в рамках клубных форматов на кружках и секциях по индивидуальному заказу родителей?

6. Устраивает ли нас категория индивидуализации в соотношении с заботой о себе? Ведь индивид суть то в человеке, что у него есть, наследовано, сформировано помимо его воли. Это все его индивидуальные особенности – темперамент, характер, интеллект, разного рода задатки и способности. Они заботой никак не сделаны. А вот личностные качества приходится формировать. Почему речь тогда идёт об индивидуализации, а не о составлении маршрутов и карт личности? Тем более забота о себе предполагает всегда рефлексивную практику. Без рефлексии заботы просто нет как феномена.

7. Пожалуй, самый главный вопрос. А что делает сам тьютор с самим собой? Он, выстраивающий (помогающий выстраивать) траекторию другому – разбирается с самим собой? Какими средствами? Где моральная граница между ним самим и его правом помогать выстраивать траекторию другому? Кто он такой, что имеет на это право? Сам-то он хоть однажды пытался выстроить свою собственную индивидуальную образовательную траекторию? На каком основании молодые магистранты, вчерашние студенты, толком не владеющие собой, получают специализацию «тьютор» и смело идут к детям, и что-то там с ними делают? Пусть тьютор для начала покажет свою собственную практику заботы о себе, а потом предлагает это делать другому. Это старая проблема. Если ты не умеешь читать, писать или что-то делать, на каком основании ты будешь учить читать, писать другого?

Смирнов С. А.: Итак, сегодня 15 января. Беседа с Еленой Миркиной, психологом, педагогом, тьютором. В качестве повода для разговора мы избрали тему «Забота о себе и тьюторская практика». Но, по большому счёту, разговор, возможно, будет более широкий и проблемный. Поводом для разговора была тема тьюторской конференции, посвящённой как раз вот этой связке: забота о себе и тьюторство в открытом образовательном пространстве, забота о себе и построение индивидуальной образовательной программы.

Когда я пытался понять и отнести к этой теме содержательно, у меня возник ряд вопросов (см. выше). Вопрос первый: насколько обоснованным, концептуально продуманным, осмысленным является использование позиции, понятия «практика тьютора» и соединение этого с такими терминами, как «забота», «антропопрактика», «траектория», «жизненный маршрут», «жизненная траектория», «путь» и т. д.? Поскольку, с одной стороны, вроде бы, хо-

роший педагог всегда с личностью работает, с личностью ребёнка, и пытается её как-то пестовать. С другой стороны, в истории культуры эта фигура поисковика, гайдера, навигатора всегда тоже была, начиная с Сократа.

Что принципиально нового вносит тьюторство как практика? Или это просто попытка ухватиться хотя бы за что-то, потому что школа совсем потеряла человека и ребёнка оттуда выбросила. И нормальные педагоги пытаются хоть как-то где-то сохранить человека, или хотя бы где-то его найти и в каких-то практиках восстанавливать. С Вашей точки зрения, это обоснованная связка практики заботы о себе и тьюторства или это очень искусственно и вынужденно?

Миркина Е. И.: Ну, так однозначно я не могу ответить, насколько она вынужденная или не вынужденная. Но мне кажется, любое явление возникает вынужденно из-за каких-то обстоятельств.

И в этом смысле, наверное, тьюторство на сегодняшний день – вынужденная вещь. Потому что, как Вы сказали, в школе человека нет.

Смирнов С. А.: И вы с этим согласны?

Миркина Е. И.: Я согласна, да, в обычной школе так и есть.

Смирнов С. А.: То есть это не метафора. Это реальность, которую надо просто понимать.

Миркина Е. И.: Ну, собственно, да. Это моя субъективная позиция. В какой-то момент случился, видимо, перекос в сторону формальных оценочных вещей. Образование как структура, задана внешними рамками, причём очень жесткими рамками. И, в общем, сам человек – ребёнок (если будем говорить про школу, то там ребёнок), – он по большому счёту не имеет ценности как таковой. Как будто он стал инструментом для реализации стандартов. У меня ведь образование-то педагогическое, но я долгие годы не хотела работать в школе именно по этой причине.

Смирнов С. А.: Вы педагог изначально.

Миркина Е. И.: Да. У меня образование педагогическое, но оно у меня в сторону искусства: ИЗО, декоративно-прикладное, технологии ИЗО.

Смирнов С. А.: Так там, тем более, индивидуальный подход.

Миркина Е. И.: Конечно.

Смирнов С. А.: Это обязательно мастер – ученик, из рук в руки, передача ремесла, работа с пером, краской, цветом, искусство видеть, чувствовать. Это же очевидно. Да?

Миркина Е. И.: Да. Но дело в том, что я не работала в педагогике, я работала вообще в других сферах: я работала в рекламе, в продвижении, в дизайне.

Смирнов С. А.: Так получилось?

Миркина Е. И.: Так получилось. И когда я столкнулась с тем, что своих детей надо в школу отдавать, то поняла, что та школа, которая на сегодняшний день есть, она не очень-то привлекает меня как родителя. Для меня, допустим, лично, как для человека, как для родителя, ценно, чтобы мой ребёнок шёл своим путем. Не тем путем, который нарисовал ему кто-то (социум, или ещё кто-то), а исходя из его индивидуального набора качеств, скажем так, из его устремлений. Это громкое слово, может быть, «реализовал своё предназначение», но, тем не менее, да, можно так сказать. И, прияя в школу, для меня было ценно (когда я уже пришла работать) вот это увидеть в школе.

Смирнов С. А.: Вы в «Умке» уже это делали?

Миркина Е. И.: Я пришла работать в «Умку». Я в других школах не работала. И тьюторство привлекло меня, так как оно, по моему пониманию, опять же, как раз помогает человеку самоопределиться в той ситуации, в которой он находится. Помогает пошагово нащупывать свой путь. Ну, не бывает, конечно, так (редко бывает, вернее), что человек наметил цель, путь и, идя по этому пути, он приходит к этой цели. Как правило, он может меняться, по пути он может куда-то отклоняться.

Смирнов С. А.: Так это же нормально.

Миркина Е. И.: Это нормально, да.

Смирнов С. А.: Одно дело – цель конкретная. Например, в плотницком деле – сделать стол, стул, или самолетик построить, помочь ученику изделие, табуретку сострогать. Это одно. Здесь вещь заменяет собой цель. А когда под целью имеется в виду поиск самого себя, так она ведь должна быть представима, формализована, продумана по шагам, обеспечена в широком смысле ресурсами: психологическими, жизненными, временными, организационными и так далее.

Более того, это же, как путник в пустыне. Перед тобой пейзаж, а ты видишь оазис, а это на самом деле галлюцинация. Более того, даже если нет галлюцинации, но горизонт, к которому ты идёшь, всегда от тебя отодвигается. И в этом смысле он в принципе-то недостижим (горизонт, жизненный горизонт). То есть, так, по существу, как предел, он есть. И какие-то шаги ты к нему делаешь. И в этом смысле теперь, переходя от метафор к реальной работе, что тогда ему, ребёнку, ставить в качестве жизненных целей? Какие цели? Вот тьютор рядом с ним стоит. Что он делает? Какую работу? Под этими работами часто называют такие вещи, как индивидуализация (почему-то называют), индивидуальная образовательная программа. Вот, если честно, эти слова, мне кажется, достаточно случайные. Потому что вроде бы речь идёт не про индивидуальность. Индивидуальность, личность, человек, субъект – это слова такие засаленные, замусоленные.

Миркина Е. И.: Ну, их расшифровывать надо, конечно.

Смирнов С. А.: Как быть точным в этих словах, чтобы не выдать желаемое за действительное? Если я жизненный маршрут помогаю строить, то при чём здесь индивидуальность? Он по индивидуальности меланхолик и ему папа с мамой подарили родинку на правом плече. Это как бы про другое.

Миркина Е. И.: Ну да.

Смирнов С. А.: А если он себя ищет, так, извините, его в нём ещё нет.

Миркина Е. И.: Согласна.

Смирнов С. А.: Более того, у тьютора свои ещё личные проблемы. Надо разбираться, он маршрут-то свой делает или нет? Это отдельный вопрос. А если же он претендует (большая амбиция) помочь этому живому существу начать строить его собственный маршрут, который не сводим ни к каким индивидуальным характеристикам, потому что это действительно игра в незнаное, так это большая амбиция. Это как у Карлоса Кастанеды: Дон Хуан, стиравший свою личную историю этому Карлосу Кастанеде. То есть амбиций-то серьёзные.

Миркина Е. И.: Ну, у Кастанеды есть свои какие-то представления о мире, которые он транслирует, собственно. Ну, вернее, у Дона Хуана есть.

Смирнов С. А.: Он тому, которого сопровождает в этот свой мир мифов, и говорит: «Ты хочешь пойти? При этом я не знаю сам, что будет завтра».

Он ведь говорит: «Ну, давай рискнем». Тот отвечает: «Ну, давай». В этом смысле метафора правильная. Они ступают на неведомую тропу, а, значит, сильно рисуют.

Миркина Е. И.: Да, совершенно верно.

Смирнов С. А.: Так. И? То есть вот так – по крупному.

Миркина Е. И.: Ну, в пределе – да.

Смирнов С. А.: То есть, тьюторство можно делать, как в английских нормальных колледжах - это ассистент профессора. И всё. Вот тебе и тьютор. Он помощник, да. Он просто тебя может обеспечить чем-то: материалами, методические советы дать, помочь провести, не знаю, опыт в лаборатории, помочь оформить работу. Помощник. Формально, без амбиций. А тут, понимаешь, про траекторию, про маршрут.

Миркина Е. И.: Да, да.

Смирнов С. А.: Тут уже другие вещи. И мне это очень нравится. Но я при этом пытаюсь понять: а как насчёт самоопределения самого тьютора – раз, и относительно оснащения – два. Чем тьютор тогда оснащается, чтобы действительно не трепаться, а действительно при этом помочь другому. Потому что у ребенка действительно куча проблем. Папа-мама здесь не всегда помощники.

Миркина Е. И.: Бывает даже, что и совсем не помощники.

Смирнов С. А.: Да, они просто мешают. И могут загонять на ложную линию, просто сценируя на ребенка свою логику, свой жизненный опыт: «Нет, надо вот так». И действительно, это хорошо, если папа-мама тоже по жизни тьюторы, такие мягкие, аккуратные и прислушивающиеся. Но в большинстве случаев всё не так. И вот теперь, что делать нашему брату тьютору, если у него такая амбиция и, допустим, мы её принимаем?

Миркина Е. И.: Что делать? Для меня лично, в пределе – да, это было бы круто.

Смирнов С. А.: Нет, тогда надо разбивать на куски его работы.

Миркина Е. И.: Да. Но мы же говорим, что если я как тьютор в школе, то я не вижу и не сопровождаю, собственно, весь жизненный путь этого человека. Я сопровождаю какой-то небольшой отрезок пути его.

Смирнов С. А.: Но всё равно пути.

Миркина Е. И.: Да, конечно.

Смирнов С. А.: Не его буквально обучение.

Миркина Е. И.: Для меня важно, что это его путь. Для меня лично. Может быть, есть другие позиции. Для меня лично важно это. Мне кажется, что очень важно для тьютора, во-первых, самому себя понимать. То есть иметь инструменты внутри себя, которые помогают ему отличить, что моё, а что не моё.

Смирнов С. А.: Он-то тоже идёт по пути.

Миркина Е. И.: Ну, конечно. И он тоже ещё не достиг (и это достичь невозможно)...

Смирнов С. А.: Ну, как-то возможно. Если он управляет своим путём, если он знает, куда и как идёт, управляет, как альпинист в связке. Он тоже идёт сложно, и всякий раз ему надо варьировать своё движение. Но в этом смысле он-то своим маршрутом тоже должен как-то управлять и идти по нему.

Миркина Е. И.: Конечно.

Смирнов С. А.: А он показывает это ученику: как он работает со своим путём, маршрутом?

Миркина Е. И.: Я думаю, если у ученика возникает такое желание... Но это не ученик как бы получается, а...

Смирнов С. А.: Он не ученик?

Миркина Е. И.: Да. Это другие отношения.

Смирнов С. А.: Это другие категории. Не «учитель» и «ученик», а какой-то там...

Миркина Е. И.: Ну, пусть тьюторант.

Смирнов С. А.: Ну, тьюторант. Есть такое слово, странное. Ну, Бог с ним. Тот, кого ведут, ведомый. Есть ведущий и ведомый. И вот у этого ведомого возникают вопросы: а как это делать? Особенно если речь идёт о каком-то конкретном возрасте?

Миркина Е. И.: Вот ребёнок, он, скорее, не задаёт эти вопросы. Взрослый может задать.

Смирнов С. А.: «Почемучки»-то бывают в начальных классах, на уровне детских вопросов, наивных философских вопросов, типа про жизнь. Но больше, конечно, начальный подростковый – там могут возникнуть вопросы.

Миркина Е. И.: Могут возникнуть. И тогда, если человеку нечем поделиться, то, какое право ты имеешь сопровождать другого?

Смирнов С. А.: Не знаю. Какая здесь степень доверия и открытости? Это вопрос договорённости.

Миркина Е. И.: Да. Мне кажется, это очень индивидуальный вопрос.

Смирнов С. А.: Индивидуальный, безусловно. Но открытость тоже возможна. Потому что открытость между ними возникает. Там как договорятся.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: Но, вспоминая про амбицию, если она такая, то доверие и доверительность должна быть очень серьёзными, высокими. Так ведь?

Миркина Е. И.: Конечно. Ну, во-первых, как я ощущаю сейчас в работах, в практике, я понимаю, что очень важно (вот про доверие), что тьютор вообще доверяет тьюторанту. По большому счёту, очень часто у нас, если брать отношения «учитель – ученик», то учитель не доверяет ученику в плане предмета.

Смирнов С. А.: Естественно.

Миркина Е. И.: А здесь другая история: здесь тьютор должен доверять тьюторанту.

Смирнов С. А.: И принимать, в принципе, то, что тьюторант предлагает, без оценки и без нормирования.

Миркина Е. И.: Если тьюторант решает пойти направо, и я почему-то со своей позиции думаю, что это чем-то там для него чревато, я, конечно, могу с ним поделиться своими какими-то предположениями, но я не даю советов и не говорю: «Туда не ходи». Он хочет получить этот опыт – он туда идёт, получает опыт, рефлексирует по поводу того, что с ним происходит в процессе этого движения. На таком пути ставятся вот эти вопросы выбора, как такие реперные точки. А как часто они происходят – тоже всегда индивидуально, по-разному.

Смирнов С. А.: Но масштаб договорённости при этом всё равно больше, чем, естественно, обучение. То есть не озабоченность ученика уроками? Вот у Вас есть какая-то программа, правильно? Вы составляете индивидуальную

программу? Это индивидуальная программа по поводу его обучения математике и истории или отдельный некий метауровень: он ведёт дневничок, и вы беседуете с ним «за жизнь»? Или это как-то сопрягается: о чём вы договариваетесь, о каких правилах игры?

Миркина Е. И.: Да, я понимаю. Это какие-то пересекающиеся области. То есть, это личное движение человека по пути. Но та местность, по которой он идёт, – может быть предметом любым: либо школьный предмет, либо не школьный предмет.

Смирнов С. А.: Но о чём вы договариваетесь? Вы ведёте друг с другом беседу? Тьюторант к вам приходит, вы – к нему? Но у вас есть рамочный предмет, по поводу которого вы ведёте постоянные разговоры. Да?

Миркина Е. И.: Да. Это относительно, допустим, того предмета, по поводу которого он обратился, то, что его волнует, но с выходом на его личную позицию относительно его движения.

Смирнов С. А.: То есть это может быть и математика, и история, и литература, и иностранный.

Миркина Е. И.: Может быть. Ну, например, берём вариант профессионального выбора, границы.

Смирнов С. А.: Подростка, выпускника школы?

Миркина Е. И.: Ну, допустим. Там же, в общем-то, конкретные жизненные какие-то направления, прикладные материалы.

Смирнов С. А.: Куда пойти?

Миркина Е. И.: Куда пойти. Да. Но вопрос же не просто в том, куда пойти, что выбрать. Вот перед ним меню – 10 блюд.

Смирнов С. А.: Есть такой принцип выбора – по принципу меню. Да.

Миркина Е. И.: Ну, я просто говорю, к примеру. Сейчас очень часто такая ситуация возникает. Да и не сейчас, и в моё время было.

Смирнов С. А.: Да она постоянно бывает. Конечно.

Миркина Е. И.: Человек выходит из школы и просто не понимает, куда ему себя приложить, к какой области. Вот у него мама говорит одно, бабушка другое, кто-то ёщё что-то говорит. И можно же выбрать, исходя из того, чтобы довериться чьему-то мнению и выбрать. И потом получается, что ты идёшь в этот вуз, но оказывается, что это вообще не твоё. Это ёщё самый лучший вариант, если ты в вузе понял, что это не твоё. А там может быть, я не знаю, тебе 50-70 лет – и ты вдруг понял, что вообще занимаешься чем-то не тем.

Смирнов С. А.: Ага, а жизнь прошла. И тогда тьютор учит выбору?

Миркина Е. И.: Тьютор помогает понять. В моём понимании задача тьютора – понять человеку себя относительно того поля, в котором он находится.

Смирнов С. А.: Ну, это же вы должны как-то... Вы же его, естественно, слава Богу, не тестируете.

Миркина Е. И.: Нет.

Смирнов С. А.: Вы же знаете все эти психологические штучки: что для него предпочтительней – быть скрипачом или математиком, или шахматистом. Правильно? Что у него там с левым и правым полушарием. Вы же этим не занимаетесь, слава Богу?

Миркина Е. И.: Нет, не занимаемся.

Смирнов С. А.: А значит, это поиск ресурсности, помочь ему в стремлении найти именно своё. А своё у него всё-таки где-то в завтрашнем дне. Он же ещё

в себе это ищет. Что это значит? Он должен обратиться к себе, чтобы сделать точный и адекватный выбор. Потому что он-то сам еще в поиске.

Миркина Е. И.: Ну, здесь у меня есть такая субъективная позиция. Я кстати, думаю, что надо как-то это оформить во что-то.

Смирнов С. А.: Это было бы неплохо.

Миркина Е. И.: У меня такое ощущение, что у человека, вообще, есть несколько видов интеллекта. То есть, современная культура говорит в основном о ментальном интеллекте. Ну, вот я рассуждаю логически.

Смирнов С. А.: Дискурсивная какая-то логика, да.

Миркина Е. И.: То есть логика, структура, под которую, в общем-то, можно подвести любой вариант.

Смирнов С. А.: Да.

Миркина Е. И.: Да. Но у человека есть ещё и тело, и эмоции. И в этом плане мне кажется, что очень важно на эти вещи обращать внимание. Почему ребёнок или взрослый (кто угодно, человек любой) может понять, его или не его, попробовав, как бы примерив на себе, почувствовав себя в той или иной деятельности. Потому что там не только его умствования и предположения. Потому что там жизнь. Он живёт, ощущает, проживает что-то. И он чувствует, что здесь цепляет его (его нутро какое-то, естество), а здесь не цепляет.

Смирнов С. А.: То есть вы ему даете набор проб?

Миркина Е. И.: Ну, опять же, моё такое субъективное мнение, что всё-таки нужно ещё дать инструмент: как ты можешь себя почувствовать. Потому что, если человек слепой, а ему показывают цветные картинки, он не сможет выбрать.

Смирнов С. А.: Ну, это если мы уже знаем, что он слепой. Если мы уже знаем, какие каналы начать использовать. А если мы не знаем, какой канал использовать?

Миркина Е. И.: Для меня важно дать человеку разные способы чувствования вот этого: как, вообще, можно почувствовать, что твоё, а что не твоё.

Смирнов С. А.: Ну и как?

Миркина Е. И.: Для меня важно дать совокупность этих ощущений: когда я что-то делаю, когда я чувствую, что меня это вдохновляет, я испытываю радость, удовлетворение от процесса, или я просто делаю механически, и меня это не цепляет.

Смирнов С. А.: То есть вы предлагаете ему разные виды проб (действий), и он пробует, вы смотрите момент зацепки.

Миркина Е. И.: Да. Ну, по большому счету, если говорить о выборе, то это так.

Смирнов С. А.: Тонкая штука. Это действительно всякий раз конкретно, и инструмента готового нет. Да?

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: То есть нельзя сказать, что у меня есть верстак и я могу подобрать инструмент. Я всякий раз вынужден затачивать его под конкретного человека. Правильно?

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: И в этом смысле важно уточнение вопроса об оснащённости тьютора. Есть такой привычный разговор о том, что педагог должен быть оснашён. У тьютора особая ситуация – у него нет готовых инструментов:

в смысле болванок таких типа молотков, топоров и рубильников. Но, в любом случае, (как бы желательно, если это профессиональная всё-таки компетенция тьютора), вроде, надо понимать: тогда он должен уметь их оттачивать. Это особая тогда компетенция. Ну да, болванок нет, но он должен уметь оттачивать под каждую ситуацию точный адекватный инструмент. И как это называется?

Миркина Е. И.: Как инструмент называется?

Смирнов С. А.: Нет-нет. Как называется вот этот метод, благодаря которому он может найти ключик, в конкретной ситуации помочь человечку своему найти и услышать себя, действительно раскрыться: у него душа заиграла, глаза загорелись. И в этом смысле ход точный. Но говорить – это одно, а другое дело – это же надо воплощать в профессиональную компетенцию тьютора.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: И что это? Как это называется?

Миркина Е. И.: Компетенция?

Смирнов С. А.: Да. И как её формировать, если мы переходим на профессиональный разговор? Например, вот эта самая тема ресурсных карт. Я как философ-антрополог (два слова) вышел на тему навигации уже давно. Но у меня была своя задача – чтобы преодолеть вот этот псевдофилософский характер современной философии (вообще, классической, метафизической философии), где человека тоже потеряли однажды, бедного, и никак найти не могут. А антропология потеряла философскую глубину, всякий раз скатывается в прикладные штучки. Я пытаюсь соединить, с одной стороны, проблему философскую (то есть самоопределение человека, его бытие в мире), а с другой стороны всё-таки сделать так, чтобы в философии человек появился: с лицом, ногами, руками, глазами, личностью и своим личным путём (личностным). Тогда всё равно возникает вопрос поиска адекватного языка, дискурса, слова – на каком языке начать про это говорить. И тогда тема навигации и картирования возникает автоматически.

Миркина Е. И.: Возникает.

Смирнов С. А.: Возникает. Но тогда ты должен понимать, что человек в этой жизни должен как-то понимать, что такое карта его жизни и что такое его биография, автобиография, жизненный маршрут, траектория, дневник и с этим как-то даже и работать уметь. И тут уже антропология переходит в практику – в антропопрактику. И всё это – для меня тема очень важная. И я тогда смотрю, где, кто, что об этом пишет, говорит и этим занимается. И я выхожу к тьюторам. Это моя, как бы, личная проблема как философа.

А тьютор говорит: «А вот мы уже карты рисуем ресурсного обеспечения. Вот». И я Татьяну Ковалеву спрашиваю: «Ты можешь показать пример этой карты?». Не показывает. Она говорит: «Это дневниковые записи. Отстань. Мы её нарисовали – и выбросили, нарисовали – и выбросили. Это вариант личных записей». А я говорю: «Так это же инструмент. Покажи, как вы его делаете. Чисто методологически, методически. Мы же свои профессиональные разговоры ведём. Нам инструмент-то надо обсуждать. Я же не заглядываю в замочную скважину, что человек там пишет. Я же с тобой говорю как со специалистом, тьютором, по поводу того, что такое ресурсная карта, как она делается, как она устроена, как она составляется, какие предъявляются требования к ней». Как к любой карте, кстати.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: К любой географической карте есть требования. Есть учебник по картографии, и там студентов учат, как составлять карты. Вот здесь тоже самое. Они должна быть, по идеи. Должны быть свои правила игры, критерии: как составлять карту личностной траектории.

Миркина Е. И.: Для меня вообще этот вопрос в последнее время тоже очень остро стоит. Вообще, это компетенция тьютора. И не только для меня.

Смирнов С. А.: Мне тоже так кажется.

Миркина Е. И.: Во Владивостоке, не помню, в каком году, эта дискуссия шла, и она до сих пор, я так понимаю, продолжается.

Смирнов С. А.: Продолжается.

Миркина Е. И.: Например, сейчас, идея витает, чтобы в Новосибирске создать тьюторский центр. И вот после стратегического семинара с Михаилом Черемных, снова как-то актуализировалась эта тема. И я уже непосредственно начала над этим работать.

Смирнов С. А.: Это очень интересно.

Миркина Е. И.: Думать про то, как искать людей. И встают как раз эти два вопроса. Про технологизацию, собственно, тьюторского сопровождения. Потому что это же должна быть очень чёткая и понятная технология, которая может передаваться, которой можно научиться. Понятно, что там совершенствующаяся уже дальше.

Смирнов С. А.: Понятно, там есть момент искусства. Но это отдельно.

Миркина Е. И.: Да. А второй вопрос – про карту. Ну, как я себе представляю, с технологизацией у меня там что-то начинает вырисовываться, хотя это пока такие наметки. А вот карта ...

Смирнов С. А.: Но вы же с образами работаете. Это же важная вещь для «изошника». Без образа никак, его надо на листок положить.

Миркина Е. И.: Да. И, в общем, тут у меня «изошная» тема и тьюторство.

Смирнов С. А.: Вы арт-терапией занимаетесь?

Миркина Е. И.: Арт-терапией занимаюсь.

Смирнов С. А.: Ведёте арт-терапию. Да?

Миркина Е. И.: Я с детьми делаю кое-что из области Арт-терапии. Я окончила курсы, у меня и сертификат есть по арт-терапии. Мне эта тема была интересна. И это тоже может быть инструментом для понимания себя. И в этом смысле я понимаю так, что прежде чем что-то пробовать и к себе примерять, надо дать способы, как это можно почувствовать. Не то, что это прямо первый этап. Это параллельные процессы, инструменты, которыми можно почувствовать: твоё-не твоё. Если человек к 17 годам не научился это чувствовать – значит, у него инструментов нет. Просто они не выработаны, не натренированы. И мне кажется, что очень важная линия – натренировать у человека вот эти фокусы: на что смотреть, вообще, когда я что-то пробую.

Смирнов С. А.: Это способы и техники визуализации? Это же больше, чем визуализация.

Миркина Е. И.: Нет, это, скорее, телесные такие пробы.

Смирнов С. А.: Это себя-обособление телесно-зрительное?

Миркина Е. И.: Да. Телесно, интеллектуально и эмоционально. Я бы так сказала.

Смирнов С. А.: Ну да, всё полностью. И всё это воплощается в так называемую «карту».

Миркина Е. И.: Это то, с чем я туда захожу.

Смирнов С. А.: Вы к нему заходите.

Миркина Е. И.: Нет. Я как тьюторант, допустим.

Смирнов С. А.: А, вы как тьюторант.

Миркина Е. И.: Мне дали инструменты, условно говоря, реагенты, которые я буду прикладывать к разным каким-то материалам.

Смирнов С. А.: А где и как тьюторант это возьмёт? Тьютор ему что-то предлагает?

Миркина Е. И.: Ну, он же может, в принципе... Ну, как? У человека же так устроено, что оно всё есть вокруг, просто на то внимание не обращается.

Смирнов С. А.: То есть, внутри карта уже есть?

Миркина Е. И.: Нет, я сейчас не про карту.

Про инструмент. А вот уже к чему прикладывать – это, собственно, карта. Вот есть поле – просто город, в котором мы живём, допустим. И там же много разного всего. И есть разные сферы. В компетенции тьютора должно входить владение информацией об образовательном поле города. Потом он должен там ориентироваться. То есть возраст, направление деятельности, местоположение... И когда появляется тьюторант, то вот это всё – это как бы пока не проявленные ресурсы, потенциальное ресурсное поле, скажем так.

Смирнов С. А.: То есть тьютор должен его знать.

Миркина Е. И.: Тьютор должен хотя бы иметь о нём представление. Пусть не в деталях знать, но что-то он должен об этом знать. Профессиональный тьютор, я так думаю, должен более-менее полно знать это поле.

Смирнов С. А.: Как тот самый менеджер по продажам, знающий свой магазин. К нему приходит покупатель, и он говорит: «Вот у нас есть эти вкусности. Выбирай».

Миркина Е. И.: Да. Но менеджер по продажам, он же что делает?

Смирнов С. А.: Он же их ещё и продаёт.

Миркина Е. И.: Да. Ему же важно продать вот это.

Смирнов С. А.: Ну, это метафора. Хорошо, не менеджер, а какой-нибудь просто продавец, который знает, что у него в магазине, к нему приходит покупатель, и он знает всё многообразие, ассортимент товаров – выбирай. Принцип супермаркета здесь подходит разве?

Миркина Е. И.: Ну, нет, не совсем. Это, скорее, когда ты понимаешь: «Я хочу яблоко». Но в любом супермаркете есть яблоко. Но, допустим, есть какой-то человек – эксперт по яблокам. И он говорит: «Слушай, я знаю, что здесь вот такие яблоки, здесь вот такие, а здесь вот такие».

Смирнов С. А.: Ну, хорошо. Принцип-то такой же остаётся: поле работы превращается в большой красивый магазин с полным набором разных товаров, и к нему ещё приходят разные эксперты и говорят: «Есть такие, вот такие и вот такие» и помогают ему при выборе.

Миркина Е. И.: Но вопрос в том, что тебе нужно.

Смирнов С. А.: Ну а что? Он берёт – пробует. Берёт яблоко – куснёт, берет другое яблоко – куснёт. И все эти пробы становятся точками маршрута и маршрутизации. Всё равно принцип магазина получается.

Миркина Е. И.: Ориентировочно он может попробовать. То есть если говорить грубо, магазин заинтересован, по большому счёту, в том, чтобы продать. Ну, фокус другой. Пусть это будет магазин (образ магазина), но фокус тьютора не на продавце, а на покупателе.

Смирнов С. А.: Да. И в торговле он тоже есть. Клиенто-центрированный маркетинг, всё нормально. Здесь всё годится. Так и в психотерапии: клиенто-центрированная терапия.

Миркина Е. И.: Хорошо. Пусть будет так.

Смирнов С. А.: Рядом стоит терапевт, помогает ему попробовать.

Миркина Е. И.: Как маршрут образуется?

Смирнов С. А.: Да. Я и говорю. То есть маршрут превращается в движение по магазину готовых товаров. Пусть он будет очень богатый, с широким ассортиментом. То есть жизнь такая превращается в большой магазин.

Миркина Е. И.: Ну, может быть, лаборатория. Не обязательно магазин.

Смирнов С. А.: А в лаборатории нет товаров готовых. Вот в чём дело.

Миркина Е. И.: Да. Ты там создаёшь сам.

Смирнов С. А.: Вот. Я имею в виду то, что есть разные метафоры представления о жизненном пространстве: жизнь – магазин, жизнь – лаборатория, жизнь – стадион (где поединки, кто кого, и там надо быть сильным), жизнь – корабль. И в зависимости от этих метафор в этих жизненных тренажёрах есть свои базовые практики: на стадионе – одна практика (агона), а в театре – другая (жизнь – театр). И тогда, может быть, имеет смысл обсуждать разные виды и пакеты карт и картирования? Можно картировать по принципу магазина, а можно картировать по принципу театрального репертуара.

Миркина Е. И.: Можно.

Смирнов С. А.: Вот у вас как? Какие ближе вам принципы и подходы к картированию?

Миркина Е. И.: Мне лично ближе вариант, наверное, лаборатории.

Смирнов С. А.: Лаборатории?

Миркина Е. И.: Да. В том смысле, что ты можешь брать готовое или ты можешь что-то смешивать. То есть там творческий такой момент присутствует.

Смирнов С. А.: Да. И ты получаешь новое своё что-то.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: И в итоге всё равно – как-то карта эта выглядит?

Миркина Е. И.: Ну, как-то выглядит, да.

Смирнов С. А.: И как она выглядит – карта в лаборатории? Это же карта поискового эксперимента какого-то такого, где надо понять, как он устроен. Есть, вообще, в тьюторской практике примеры образцовых карт?

Миркина Е. И.: Образцовых, наверное, нет.

Смирнов С. А.: Образцовых с точки зрения того, что можно показать пример того, как работает инструмент.

Миркина Е. И.: Так как у меня пока не было опыта прямо совсем свободного тьюторства, то есть я работаю в школе на данный момент...

Смирнов С. А.: Ну, и хорошо.

Миркина Е. И.: ...я могу сказать о том, как получается карта ребёнка. Предположим, вот у нас был проект, мы делали два года назад, проект «Интерес». То есть дети заявляли о том, что им интересно (какую-то область, ко-

торая им интересна). Создавались группы под их интерес. Ну, такие как бы детские исследования в этой сфере. Ну, где-то исследования, где-то конструирование – там было по-разному, в зависимости от того, что кому интересно. Но детям в этом возрасте нормально – попробовать разные области. И образовалось такое, типа, поле с различными потенциально ресурсными местами. То есть, у кого-то были динозавры, у кого-то привидения, у кого-то робототехника.

Смирнов С. А.: Это то, что им интересно. Поле интересов.

Миркина Е. И.: То, что было детям интересно на данный момент.

Смирнов С. А.: Про динозавров.

Миркина Е. И.: Да. У кого-то рукоделие было, разные места были. И дети шли в эти группы. То есть они выбирали себе группу, в которую они сейчас идут. И потом были события, которые это всё объединяли. Был обмен опытом. Ребёнок потом говорил: «Ага, здесь я свой интерес удовлетворил (допустим, что-то сделал, получился какой-то результат его работы в этой группе)». И он говорил: «Сейчас мне интересно остаться здесь и другое поисследовать». То есть в этой же области, допустим, или в другое место пойти. Например: «Мне сейчас что-то про это стало интересно – я пойду туда попробую». И это как форма, это отражение его движения. Это, можно сказать, «карта», по которой он движется, маршрут.

Смирнов С. А.: Это у вас были начальные классы?

Миркина Е. И.: Начальные классы.

Смирнов С. А.: Но там же у них интуитивно-ситуативный выбор, а это же происходит по настроению.

Миркина Е. И.: В этом возрасте – да. Что ты учит делает? То есть, это не просто хаотичные движения ребёнка. Я как учитель помогаю ему осознать, то, что с ним происходит. В этом маршруте, который он выбрал, что с ним происходит?

Смирнов С. А.: И это что? Это вы буквально с ним рисуете динозавриков и роботов?

Миркина Е. И.: Нет. Почему? Разговариваем.

Смирнов С. А.: А это воплощается в чём? Всё-таки карта – это визуальный образ. Почему я кручуся-то вокруг всего этого? Где карты – покажите. Поскольку карты – это карты, это не дом. Всё-таки карта – это семиотический объект.

Миркина Е. И.: Ну, вот такую детскую, про которую я говорю карту, я могу показать.

Смирнов С. А.: То есть я и говорю: вы с ними рисуете.

Миркина Е. И.: Да. Но это его движение. Она отражает просто его выбор: сейчас, завтра, через месяц.

Смирнов С. А.: И он их собирает.

Миркина Е. И.: Ну, ребёнок не будет, конечно, это собирать.

Смирнов С. А.: Не будет собирать. Он не будет потом вспоминать, что он там неделю назад нарисовал.

Миркина Е. И.: Конечно. Ребёнку это не надо.

Смирнов С. А.: Настроение прошло и всё.

Миркина Е. И.: Да. Но то, что это его движение было не просто хаотичное, а оно более осмысленное, тогда в следующий шаг он делает, может быть, чуть более осознанный выбор применительно к самому себе.

Смирнов С. А.: Но смотрите, тогда это важный момент, когда вы говорите про телесность. Фактически это телесно-зрительный такой, ну, не то, чтобы костиль, но опора, которую он делает, для того, чтобы осознать своё ощущение, чувствование себя. И с помощью этого, такого выстраивания чувственно-телесных опор для ребёнка происходит какое-то осознание. Я правильно понял?

Миркина Е. И.: Да, и там всё замешано: и чувственно-телесное, и эмоциональное, и, собственно, логическое. То есть это всё в совокупности.

Смирнов С. А.: А дальше с подростком надо тогда что-то такое более осознанное делать, чтобы он в ней, в этой карте, себя-то и увидел. Как точка движения. Правильно?

Миркина Е. И.: Ну, конечно. Сначала ребёнок видит только карту.

Смирнов С. А.: Естественно.

Миркина Е. И.: Дальше – понятно. В какой-то момент так происходит, что ребёнок реально начинает задумываться уже о себе как о том, что он где-то находится и для чего-то. Он начинает задаваться этими вопросами, тогда уже можно работать относительно его. То есть, там он есть, в этой карте, просто пока не осознает себя там.

Смирнов С. А.: Конечно, да. Это степень осознавания. А какие карты получаются тогда с подростками? Есть интересные примеры? И в чём принципиальная разница?

Миркина Е. И.: В общем, у меня есть опыт работы с подростками небольшой, и это индивидуальная работа с трудностями в учёбе. Какая там карта была? Я сейчас могу просто воспроизвести, как она выглядела. Она выглядела, в общем так: у ребенка есть те места – трудные, предметы, в которых ему сложно. И в разговоре мы выясняем, во-первых, почему это ему трудно, в чём сложность, на самом деле, с чем он готов работать, с чем не готов, какие-то шаги делать, в какое время. То есть, он выбирает, допустим, ближайшую для себя какую-то задачу, как-то к ней движется. В общем, получается, что он движется не так, как запланировал, в итоге. Это обсуждается, корректируется (ребёнком самим корректируется). Он говорит: «Я готов по 2 часа в день тратить на что-то». Начинает пробовать – не получается. То есть, помогаешь ребёнку найти то, что реально для этого ребёнка сейчас, некое действие. И это маленькие такие шажочки, что человек находит то, что для него сейчас реально. Где-то это через преодоление, где-то через какие-то другие действия, в зависимости от мотивации человека.

Смирнов С. А.: А чем отличается это от дневника? Пусть ведёт дневник.

Миркина Е. И.: Ну, пусть. Можно дневником назвать.

Смирнов С. А.: Что добавляет карта?

Миркина Е. И.: Может быть, где-то дневник даже более подходит... Мне кажется, это разные вещи.

Смирнов С. А.: Я и говорю: что принципиального даёт именно карта? Дневники всегда писали. Пусть девочки пишут дневник, только чтобы привычка была каждый день его писать.

Миркина Е. И.: Ну, это надо время выделять, писать дневник.

Смирнов С. А.: А карта? Что, взял нарисовал один раз и всё?

Миркина Е. И.: Ну, карта – это более мобильная вещь.

Смирнов С. А.: Более мобильная?

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: То есть можно варьировать, редакции, жанры не ограничены, визуализация образов... А дневник – писать надо, сидеть, вымучивать, слова придумывать. Причём быть честным по отношению к самому себе, чтобы не закралась мысль, что его кто-то прочитает. А Карту всё равно он показывает тьютору.

Миркина Е. И.: Ну да.

Смирнов С. А.: Обсуждаете?

Миркина Е. И.: Да, обсуждаем.

Смирнов С. А.: Дневник показывать не обязательно?

Миркина Е. И.: Дневник – не обязательно.

Смирнов С. А.: Так вот тогда вопрос: вот этот показ другому и обсуждение его превращается тогда уже в такую особую работу – большую, чем написание дневника. Он тогда здесь, наверное, и приспособливается, и вот эти опоры выстраивает. То есть в этом смысле карта лучше, чем просто дневник?

Миркина Е. И.: Ну, мне кажется, это разные инструменты. Не то, что лучше или хуже.

Смирнов С. А.: Но лучше и хуже – с точки зрения осмыслиения маршрутизации. Я говорю про это. Мы же задачу поставили.

Миркина Е. И.: Относительно самоопределения в каком-то поле – да.

Смирнов С. А.: В том-то и дело. В поле и в пространстве-времени гораздо более точный и адекватный инструмент – карта, нежели просто дневник самонаблюдения. Правильно?

Миркина Е. И.: Конечно. Да.

Смирнов С. А.: Ну, хорошо. Тогда это всё, эту практику, можно ведь как-то воплотить в правила игры, чтобы действительно её оснащать инструментами, которые так-то устроены, и показывать другому, будущему тьютору.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: Вот это есть как-то уже? Готовность или уже какие-то примеры описания карт как инструмента? Или есть пока разнообразная практика, которая нуждается еще в осмыслиении, описании, систематизации?

Миркина Е. И.: В любом случае, мне кажется, что пока мы находимся на этапе становления этой технологии тьюторства. Ну, по моим ощущениям.

Смирнов С. А.: Поскольку всё-таки ещё и профессия не достроена и до конца не технологизирована.

Миркина Е. И.: Она только-только появляется. Да, что-то есть уже, реальные какие-то технологии, инструменты, что-то достраивается, ищется. Это пока такой процесс рождения, как мне кажется. Еще не родилось.

Смирнов С. А.: Ну, а самому-то тьютору с собой что делать?

Миркина Е. И.: С собой? Это важный момент.

Смирнов С. А.: Мне так кажется, это ведь вообще не педагогическая квалификация, если совсем честно. Философ-тьютор какой-то.

Миркина Е. И.: Согласна.

Смирнов С. А.: Педагог-тьютор, психолог-тьютор, художник-тьютор, спортивный тренер-тьютор (его называют иногда коучем – не важно). Он тоже как бы может вот это всё и, по идее, должен делать, ведь он работает с будущим спортсменом. И так далее. В консерватории – сплошные тьюторы, которые мастер-класс ведут, ставят руку, ногу, слух будущим музыкантам. Сплошные

тьюторы, если они работают со становлением человека в человеке и с его личностной траекторией и помогают им её строить. Поставил – и дальше может сам идти. Но это такая сквозная вещь, которая просто, как мне кажется, в древних культурах была давно.

Миркина Е. И.: Мне тоже так кажется.

Смирнов С. А.: В природе «старых», условно говоря, культур классических, в античной Греции – это не откровение, это нормальная практика заботы.

Миркина Е. И.: Возможно. Ну, я же там не жила, не могу говорить об этом.

Смирнов С. А.: У священников в монастырях – так это сплошь и рядом. Духовник – на то он и духовник. Или все-таки уже что-то такое новое мы можем сейчас уже предложить то, чего не было в принципе в классических традициях наставничества, ведения и ведания: все вот эти фигуры сталкеров, шерпов, гайдеров, проводников.

Миркина Е. И.: Для меня все-таки это нечто другое. В тех аналогиях, которые вы сейчас привели, в этих примерах. Допустим, какой пример взять? То есть когда кто-то прошёл путь свой, и он ведёт его как бы по своему пути, то есть по той сфере, которая ему уже известна, которая пройдена.

Смирнов С. А.: А мы, вроде, о другом говорим.

Миркина Е. И.: Да. Здесь всё-таки речь идёт о том, что именно не моим путем идёт этот человек, а своим путём.

Смирнов С. А.: И вы его, естественно, не знаете, и знать не можете.

Миркина Е. И.: Конечно.

Смирнов С. А.: И в этом смысле ситуация открыта принципиально для вас обоих.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: Более того, вы не ведёте его куда-то «в», «к». Вы просто ставите способ ведения себя.

Миркина Е. И.: Да, совершенно верно.

Смирнов С. А.: А дальше поставил и отошёл. И это гораздо окаяннее задача. Тем более, это вообще не профессия.

Миркина Е. И.: Хобби?

Смирнов С. А.: Это что-то такое странное. Потому что я не ведаю, куда я тебя веду, я вообще не знаю, куда я тебя веду, сам не знаю. У меня нет образа твоего будущего. У меня был свой путь, но я тебя не могу вести в своё прошлое, я это уже прожил. И в этом смысле я не веду тебя по своей колее, это другое. Я веду тебя в поиске того, чтобы ты свою дорогу находил, причём у твоей дороги колеи, опять же, нет, там непроторенная тропа. Тогда в этом смысле ведь что такое профессия? Это что-то отработанное, обкатанное, имеющее свой субстрат, субъект, предмет, технологию, компетенции, навыки. И ты её обучаешь (профессии) и передаёшь. И тогда возникает фигура действительно наставника, он тебе передаёт мастерство либо из рук в руки, либо в групповой работе, либо можно вообще на поток поставить. Это одно. Но тьютор не совпадает с наставником, который учит готовой профессии. Не об этом речь.

Миркина Е. И.: Но, опять же, получается, что, допустим (мне просто эта тема близка), психотерапия. Там же тоже нет никакого образа человека.

Смирнов С. А.: А вот, может, лукавят терапевты. Есть у них образ человека. В смысле, образ здорового, нормального, и представление о патологии. Когда возникает вообще терапия, возникает всё равно, так или иначе, контрабан-

дой протаскивается представление о норме и патологии: я тебя излечу, вот ты больной, а я тебя излечу и верну в норму. И у меня есть представление о норме.

Миркина Е. И.: С моей точки зрения всё-таки не совсем так, ну ладно, пусть это будет не терапевт...

Смирнов С. А.: Терапия – тонкая штука.

Миркина Е. И.: Да. Слово «терапевт», оно уже подразумевает...

Смирнов С. А.: Уже использовано, да...

Миркина Е. И.: Пусть будет психолог.

Смирнов С. А.: Вообще психолог. Да?

Миркина Е. И.: Да. Человек сталкивается с какой-то проблемой и пытается найти решение. Только в психологии мы дело с внутренним миром имеем, а в тьюторстве всё-таки с внешним.

Смирнов С. А.: Как, с внешним? С внутренним же – становлением внутреннего мира.

Миркина Е. И.: Да. Но мы смотрим на его самоопределение во внешнем мире всё-таки.

Смирнов С. А.: Воплощается он во внешнем мире, да.

Миркина Е. И.: У психологов всё-таки фокус больше на внутренних процессах. Его внешнее не очень интересует. Просто как зеркало того, что может быть декорациями, в которых с человеком что-то происходит. И человек сталкивается с внутренней проблемой, и он приходит к психологу. А когда человек сталкивается с внешней проблемой – допустим, он приходит к тьютору.

Смирнов С. А.: Такая разводка, да?

Миркина Е. И.: Мне так кажется.

Смирнов С. А.: Но мы же с Вами обсуждали опоры. Они по определению опоры личности. Делить на внешние и внутренние, может быть, как раз грубо.

Миркина Е. И.: Тут может быть тонкая грань какая-то этого фокуса, границы профессии.

Смирнов С. А.: Ну, так.

Миркина Е. И.: Вот ко мне приходит клиент как к психотерапевту. Для меня, по большому счёту, не имеет значения, куда он пойдёт, и что с ним будет происходить во внешнем мире.

Смирнов С. А.: Да.

Миркина Е. И.: Мне важно, чтобы его сейчас внутреннее состояние как-то нормализовалось, чтобы оно удовлетворяло человека.

Смирнов С. А.: Его состояние, да. Но не попадаем ли мы здесь опять в некий капкан, когда психолог своё представление о возвращении его, опять же, кстати, к норме, он как бы подспудно всё равно подтягивает туда свои представления об образе человека? Поскольку психоаналитик – это одно, роджерсианец – другое немножко, юнгианец – третье, выготскианец – четвёртое. И в каждой концепции свой образ человека.

Миркина Е. И.: Ну, этот риск есть всегда. Я так понимаю, что, в общем-то, и в тьюторстве этот риск есть. Насколько человек способен абстрагироваться от своих представлений.

Смирнов С. А.: В тьюторстве есть гораздо более интересная штука. Потому что мир гораздо больше, чем какие бы то ни было образы и концепты, выработанные в науках. Поскольку мир – он как океан. Да?

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: В одной байке восточной было сказано: ученик к учителю подходит и спрашивает: «Учитель, что такое «дао»?» Учитель – бах его по башке палкой – иди сам думай. Ушёл. На следующий день ученик снова приходит: «Учитель, что же такое «дао»?» Снова тот – бах по башке его. На следующий день ученик снова приходит: «Учитель, что...?» – «А, понял!».

Во-первых, действительно, вопрос, что такое «дао», ответа не имеет. Поэтому что это всё равно, что спрашивать про космос, про океан и так далее. А во-вторых, любой ответ имеет свою кривизну. Вот, может быть, здесь о том же самом? Вопрос же не в том, чтобы получить готовый ответ. Тьюторант, конечно, может их получать. Опять возвращаемся к схеме магазина. Там лежат готовые ответы. А вопрос в том, чтобы ... Как бы сказать? Научить быть в ситуации неопределённости и с этой ситуацией неопределённости уметь работать. В этом смысле пытаться, чтобы он сам научился оснащать себя разными ресурсами разного рода и всякий раз выходить из ситуации неопределённости более сильным, что ли? И тьютор – это такой окаянный помощник, который готов в этом деле помочь. У него в этом смысле двойной риск: у него с собой эта задача, и с ним ещё. Потому что очень быстро можно скатиться в простой консалтинг.

Миркина Е. И.: Да. Риск всегда есть.

Смирнов С. А.: Я согласен. Но в этом смысле, если идти в эту сторону идентичности тьютора, в ситуации неопределённости, риска, его тип работы – это работа с тем, чтобы его тьюторант учился себя оснащать ресурсами в ситуации неопределённости.

Миркина Е. И.: Ну, наверное, как-то так. Ещё же ведь в чём вопрос-то? Что, с одной стороны – да, мы всегда находимся в ситуации неопределённости, а с другой стороны – мы всё время пытаемся её определить для себя.

Смирнов С. А.: Так в том-то и дело. Мы вроде как с вами допускаем это. Но большинство людей не любят этой неопределённости. Им надо, чтобы всё было чётко, конкретно – один, два, три.

Миркина Е. И.: И безопасно.

Смирнов С. А.: Безопасно, чтобы не дуло, чтоб не сквозило. Объясни, дай рецепт и всё. И так большинство людей живут. Они как раз считают, что в ситуации определённости живут и должны жить. Их это устраивает. И это нормально. Это не плохо и не хорошо – это безопасно. А тьютор, он ещё такой окаянный тип, что он как раз размыкает этот стереотип, он как раз показывает, что мир гораздо больше, чем готовый набор, и там много неопределённости, и в этом весь кайф жизни. Его могут послать, типа: «Отвали, парень».

Миркина Е. И.: Но он же не навязывает себя.

Смирнов С. А.: Не навязывает.

Миркина Е. И.: К нему приходят.

Смирнов С. А.: К нему приходят.

Миркина Е. И.: И, собственно, мне кажется, что проблема возникает тогда, когда человек всё неопределенное для себя определил и сталкивается с тем, что его определение не соответствует тому, что есть на самом деле.

Смирнов С. А.: Ну да, да.

Миркина Е. И.: Если он с этой ситуацией столкнулся – значит, у него есть хотя бы какое-то желание что-то с этим сделать. Если он пришёл к тьютору,

к какому-то другому специалисту, который работает с кризисами. И тут, конечно, с одной стороны, он заново определяется. То есть, вроде как задача тьютора – показать ему, что те его определения, которые были прежде, они не соответствуют реальности и от них надо освободиться, как бы расширить свои представления. А с другой стороны, вроде надо в этом расширенном пространстве найти опять какое-то определение.

Смирнов С. А.: Он всё равно же хочет его как-то структурировать.

Миркина Е. И.: Да-да-да.

Смирнов С. А.: Как в ситуации в незнакомом городе. Тебе в нём неуютно и одиноко, тебе его хочется как-то обжить, структурировать. Нормальное, естественное желание человека. А потом опять попадаешь в...

Миркина Е. И.: Да. Потом опять приходится отказываться от своих определений и искать какие-то новые определения.

Смирнов С. А.: В этом смысле это ещё одно отличие карты от любых дневников. Это структурирование жизненного пространства, вплоть до конкретных всё-таки визуальных образов. Дневник не структурирует жизненное пространство, а карта может.

Миркина Е. И.: Карта может.

Смирнов С. А.: Тогда особое требование к этой карте возникает. Потому что можно, конечно, нарисовать, как иной раз рисуют тьюторы, опять образ магазина или стадиона. Но это всё не то.

Миркина Е. И.: Я думаю, что образ всё равно рождается внутри самого человека. Допустим, тьюторанта. Он может воспринимать реальность как магазин или как лабораторию, или как помойку. Я не знаю, как можно его воспринимать. По-разному.

Смирнов С. А.: Как угодно.

Миркина Е. И.: Как угодно, да. Тот образ, который есть у него в голове.

Смирнов С. А.: И с помощью образа он может структурировать на данный момент, здесь и теперь, то, как устроено его обитание, его место. Завтра он его вынужден всякий раз перерисовывать и искать другие образные костили, послезавтра – снова. И тогда жизнь по отслеживанию, маршрут по отслеживанию и выстраивание маршрута превращается в постоянное перерисовывание вот этих структурированных образов.

Миркина Е. И.: Ну, можно так сказать, да.

Смирнов С. А.: А как этому учить тьютора?

Миркина Е. И.: Не знаю. Пока не знаю. Я думаю над этим вопросом. Я сейчас озадачена этим как раз вопросом, в общем, технологией.

Смирнов С. А.: Если мы на технологию переходим – тогда, в любом случае ты должен как-то технологизировать этот процесс, особенно если приходится учить другого. А тут опять вторая проблема: одно дело – тьютор и тьюторант, другое дело – еще и преподаватель, который учит тьюторов. Возникает вопрос: «Ты кто такой, преподаватель? Ты решил учить меня тьюторству? Ты сам-то с собой разобрался, вообще?» Тут вообще тройная проблема уже. Кто такие преподаватели, обучающие будущих тьюторов, магистрантов по тьюторской программе? Кто им дал право, вообще, это делать? Они что, все «сократы» такие крутые? Они все такие наставники крутые?

Миркина Е. И.: Вопрос.

Смирнов С. А.: Вопрос. Потому что как бы речь не идёт о скромности. Речь идёт опять о серьёзной какой-то амбиции, оснащённости и о рамках и пределах вот этой ситуации обучения, научения будущих тьюторов, потому что мы не Дон Хуаны.

Миркина Е. И.: Ну, конечно. Мы с конкретными вещами работаем.

Смирнов С. А.: И это в 10 раз ответственней, иначе быстро можно скатиться в жанр консалтингового центра.

Миркина Е. И.: Да, согласна.

Смирнов С. А.: И даже деньги на этом зарабатывать. Назвать это тьюторским центром. Ну, что же. Спасибо большое, Елена. Поставим многоточие.

Миркина Е. И.: Поставим многоточие. Но для меня это не просто многоточие. Это для меня задача.

Смирнов С. А.: Понимаю. Задев больные точки, хотелось бы это дальше продолжить. Возможно, в жанре интервью, возможно, в жанре текстов, возможно, в жанре дальнейших семинаров. Потому что, мне кажется, эта точка вытаскивает фактически всё: всю ситуацию, связанную с образованием, с местом человека. Потому что, если это институционально не будет выстроено, то ничего не будет. Просто ничего не будет.

Миркина Е. И.: Согласна, да. Это должно быть чётко и понятно для любого человека.

Смирнов С. А.: Несмотря на декларации, что тьютор уже утверждён, квалификация утверждена в Минтруда, и даже введена фигура тьютора в школу. Но институционально школа не готова к этой фигуре. Нет?

Миркина Е. И.: Не готова. Для меня это, знаете, как взять организм какой-то, какой он есть, возьмём человека. И мы решили, что надо, чтобы человек летал.

Смирнов С. А.: Хорошо. Да.

Миркина Е. И.: И взяли ему что-то, прилепили какую-то штуку.

Смирнов С. А.: Да. Лети.

Миркина Е. И.: Да. Во-первых, даже если придумать какой-то механизм управления этой штукой, то это всё равно не его, а как бы встроенная в него функция, что ли. И в этом смысле мне кажется, что это бесполезно, вот эту штуку (как тьюторство) пытаться уместить в тот институт, который существует. Это всё равно либо разрушит тот институт, который есть, либо тот институт, который есть, уничтожит тьюторство.

Смирнов С. А.: Да, да.

Миркина Е. И.: И поэтому мне кажется, что должна появиться какая-то новая форма, новый организм, где тьюторство является неотъемлемой частью.

Смирнов С. А.: Естественным органом. И подобных институций у нас в стране пока ещё нет?

Миркина Е. И.: Ну, мне кажется, пока нет.

Смирнов С. А.: Все эти центры заботы для родителей, все эти частные услуги...

Миркина Е. И.: Всё-таки если говорить совсем честно, то единицы, наверное, где-то, как-то есть.

Смирнов С. А.: Причём связано это с сугубо конкретными людьми, носителями, которые, если честно работают, то они и продвигаются.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: Но это в конкретных центрах развития, возможно, в центрах допобразования, в центрах, которые за пределами средней школы.

Миркина Е. И.: Да, которые, в общем, имеют свободу самовыражения, скажем так.

Смирнов С. А.: Пространство и свободу. Тогда можно рассуждать. Ну, хорошо. Тогда опять вопрос, совсем последний. Если делать магистерские программы по тьюторству, то всё равно мы вынуждены находить уже готовые институции. Магистратура – это, извините, вуз, это высшее образование. Всё равно мы вынуждены идти в университеты, там отстраивать полигон, для того чтобы программа эта действительно была. Здесь-то мы никуда не денемся от институций.

Миркина Е. И.: Да, не денемся.

Смирнов С. А.: Ну. И как? Уже есть пробы по запуску магистерских программ? Причём таких, точных, адекватных.

Миркина Е. И.: Конечно, есть. Но я не знаю. Мне сложно сказать, потому что я в магистратуре не училась. Сейчас есть магистратура в Москве, в Перми, во Владивостоке, может, где-то ещё есть.

Смирнов С. А.: Ну, в Московском педагогическом ...

Миркина Е. И.: Да. Вот где Ковалева Татьяна Михайловна.

Смирнов С. А.: Там свои правила игры. Двухлетняя магистратура, свои требования к программам, свои требования к преподавателям. Доктор наук должен руководить магистерской программой, как минимум, такие требования Министерства. Ну, и прочее. Не является ли это тоже таким ограничением...? Не вынуждены ли сами тьюторы идти на такие компромиссы, после которых сама идея тьюторства умирает?

Миркина Е. И.: Не знаю. Затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Смирнов С. А.: Я тоже. Но мне кажется, пробовать надо. И Новосибирск, и Томск рядом созрели, для того чтобы делать такую магистерскую программу.

Миркина Е. И.: Мне кажется, да. По крайне мере, лично мне, симпатична мысль о том, чтобы это как-то прививать, что ли, не знаю, какой термин употребить.

Смирнов С. А.: Во всяком случае, опыт уже наработан такой, что уже пора думать про какой-то институциональный шаг, который бы поддерживал эту практику. Поскольку практика уже достаточно интересная накоплена, теперь надо делать институциональный шаг. Иначе это будет сидеть чисто на энергетике и активности конкретных людей. Но в этом смысле квалификация живёт сугубо благодаря здоровью этих людей. Эти люди уйдут – и тогда ничего не будет.

Миркина Е. И.: Ну, то есть пока это практика, это держится на людях. Когда это становится технологией, тогда это уже...

Смирнов С. А.: Тогда это процесс воспроизведения, и запускается институционализация.

Миркина Е. И.: Да.

Смирнов С. А.: Хорошо. Спасибо большое.

Миркина Е. И.: Спасибо! Было очень интересно.